

УДК 1(091)

РЕЦЕНЗИЯ
НА ЭЛЕВТЕРОЛОГИЮ
ИОГАННА АВГУСТА
ГЕНРИХА УЛЬРИХА¹

Хр. Краус

Йена, в книжной лавке Крёкера: Элевтериология², или о свободе и необходимости, Иоганна Августа Генриха Ульриха. Для использования в курсе лекций на Михайловских каникулах. 1788. 7 ½ Л. 8. (6 больш. листов).

Различают физическое и моральное в человеке постольку, поскольку он, с одной стороны, как подданный природы, ощущает неизменное влияние ее причин и вынужден сам по ее определенным законам с помощью своего рассудка заранее просчитывать, а затем и объяснять все свои поступки. А с другой стороны, являясь повелителем природы, он позволяет себе независимо от нее развивать самостоятельно свою деятельность и давать самому себе законы, по которым он вопреки всем внешним влияниям организует свои будущие действия. Что же касается прошедших деяний, то он считает непреложным внутренним требованием, подобно изречениям судьи, неумолимо одобрять или проклинать — это различие свойственно самому обыденному разуму; правда, он должен бы был — но сделать это он не может и не смеет — перестать различать то, что есть и происходит, от того, что должно быть или должно произойти, если он хотел бы это различие не признавать или подвергать его сомнению. И напротив, умение связывать это физическое и моральное в человеке, именно поскольку он одни и те же поступки должен мыслить не только в соответствии с определенной природной необходимостью, но и с безусловной самостоятельной деятельностью, а именно и то, и другое вместе, превосходит все возможности его духа. Если человек будет пытаться мыслить эти поступки в соответствии с потребностями

¹ Перевод выполнен по изданию: *Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1923. Bd. 8. S. 453–460.*

Поступила в редакцию 05.12.2014 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-9

© Кошцев И. Д., пер. с нем., 2015

² Eleutheriologie (лат. eleutheria от греч. Ελευθερία — свобода) может быть транскрибировано как элевтериология, то есть учение о свободе.

рассудка как определенные природой или в соответствии с требованиями морали как обусловленные свободой, то вскоре он поймет, что в первом случае будет вынужден отказаться от нравственности, а во втором — от применения рассудка. И, таким образом, не будучи в силах отказаться ни от одного из них, обнаружит, что тут перед ним есть какая-то тайна. Что же в таком случае остается, кроме тайны, для мышления? Ничего, кроме как сначала пролить ярчайший свет на существенное различие природного и морального и достичь в этом вопросе, вопреки всем сомнениям и возражениям сопротивляющегося этому самомнения, полной достоверности и уверенности; а затем путем критического анализа всей нашей познавательной способности попытаться получить удовлетворительный ответ на вопрос, почему связь этих обеих сторон непостижима, и выяснить — при невозможности проникнуть в то, каким образом взаимосвязаны в человеке природа и свобода, — в какой мере все же можно непротиворечиво мыслить то, что они обе в нем, действительно, связаны воедино. Правда, это кажется весьма незначительным и, пожалуй, даже меньше того, чего жаждет ненасытная любознательность, хотя, пожалуй, столько, сколько всегда только и могут запрашивать цели жизни. Однако если бы при исследованиях, позволивших нам сделать упомянутый выше вывод, полностью обнаружилось бы и выяснилось, что именно по причине ограниченности знания разум, который обычно впадает в своих рассуждениях о теоретическом и практическом в противоречие с самим собой, достиг бы относительно обоих полной гармонии, и именно в силу своей заявленной неспособности соединить природу и нравственность между собой, и наш дух получил бы обнадеживающую возможность проникнуть в мир рассудка, отличающийся от чувственного мира, а также открыл бы самые радужные перспективы относительно своего предназначения и достоинства, то было бы, в самом деле, недальновидно жаловаться на ограниченность нашего знания и на бессилие нашего разума; и было бы неразумно не признавать того, что является также несомненным, а именно: самая важная и привлекательная из всех проблем разума для нас неразрешима. Между тем как бы ясно все это ни было показано тем не менее время от времени будут наблюдаться попытки решить эту проблему. Ибо так уж устроен человек, что в деле рефлексии о преимущественно темных и именно поэтому привлекательных предметах приходит ко всему скорее, чем к пониманию своего незнания, и справляется со всем легче, чем с признанием своей неспособности. И так, видимо, это и должно быть, потому что такие попытки, но не подобные тем, которые имеют отношение к громким открытиям в математике, предпринимаются не новичками или невеждами в науке, а часто мужами, в остроте ума и знаниях которых едва ли можно усомниться; они — как это также часто бывает — заблуждаются относительно главной задачи при постановке этого вопроса или будут ошибочно принимать сокрытие трудностей за их решение, примером чего во всех отношениях является настоящий труд. Его в такой же степени остроумный, как и ученый автор прилагает усилия к тому, чтобы подвести систему тотальной природной необходимости всех проявлений сил человека под понятие, называемое детерминизмом, как единственно правильное и объявить его не только как единственно согласующееся с нравственностью, но и восхвалить его как способствующее ей. Требовать новых, и хотя бы только в формах и методах, поворотов, не говоря уж об основаниях и доказательствах, означало бы заблуж-